

в реальных, положенных на географическую (политическую) карту демографических образованиях. Конечно, для этнографа география (пространственные построения) также имеет значение, но на совершенно другом уровне. Этнографию в конечном счете интересует не какая-либо конкретная территория с ее природными условиями, а формы природных условий, результат некоторой абстрагирующей деятельности, нечто общее для отдельных территорий, даже расположенных в разных частях света. Это идет еще от Миллера с его рекомендацией описывать народы в соответствии с занимаемой природной нишей (степные народы, лесные народы и т. д.).

Этническая непрерывность

Еще до того как С. М. Широкогоров ввел понятие этноса, термин «нация» употреблялся этнографами несколько отличным от историков образом. Для этнографа название той или иной современной нации до сих пор есть один из способов выделения объекта конкретного исследования. В XIX—начале XX в. полевые исследователи называли «нациями» выделяемые ими по тем или иным признакам общности аборигенов Австралии независимо от численности принадлежащих к ним людей и величины территории расселения. Как правило, такие «нации» («маленькие нации») рассматривались как объединения «племен», хотя одни исследователи называли «племенами» эндогамные, а другие — экзогамные единицы [Wheeler 1910 : 20, 21; Cameron 1875 : 345; Dredge 1845 : 7, 38; Parker 1854 : 11, 12; Taplin 1874 : 1]. Данный факт интересен в двух отношениях. Во-первых, до начала XX в. термин «нация» использовался этнографами для обозначения групп людей, живущих в обществе, где отсутствует сама идея государства. Во-вторых, «нации» и «племена», выделявшиеся полевыми этнографами-любителями, казалось бы, на совершенно объективных основаниях (например, по признаку языка, эндогамии и пр.), впоследствии стали трактоваться профессиональными этнографами как фикция. Вместе с тем, как заметил Н. Петерсон, неким парадоксальным образом даже те австраловеды, которые относятся к понятию племени весьма скептически, продолжают пользоваться названиями, всегда считавшимися наименованиями племен. По его мнению, последнее указывает на полезность

термина «племя» и племенных названий в качестве обозначения условных (shorthand) единиц [Peterson 1976 : 1].

Степень произвольности выделения таких объектов не оказывает существенного влияния на результаты исследования. Известные по литературе «племена», или «этносы», аборигенов представляют собой куски самого по себе непрерывного этнического пространства (по выражению В. А. Тишкова, «континуума существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры»), достаточно случайным образом выделенные исследователями по аналогии с европейскими нациями [Белков 1989 : 16—19]. Из анализа эмпирических фактов вытекает, что так называемые первобытные «племена» существуют только на бумаге (в практике отчетов о полевых исследованиях), отражая не столько реальность, противостоящую этнографу, сколько условия обследования данной территории и способ его перемещений при сборе информации. Из работ, специально посвященных этой теме, выясняется, что силуэт того или иного племени на карте зависит от того, какую форму поселения и — главное — где избирает сам исследователь. Как отмечал М. А. Бутинов, принципиально важным оказывается различие между условиями стационарной и маршрутной экспедиции, причем в первом случае многое зависит от наличия естественных преград, служащих границей обитаемой территории (горный хребет или берег моря).

Причины полезности концепции племени как способа расчленения («структурирования») этнографической реальности лежат одновременно в этнографической реальности и в самом субъекте исследования, поскольку первобытное «племя» выполняет функцию идеальной модели малой группы. Согласно устному высказыванию А. Г. Новожилова, этнографы в сущности являются профессиональными исследователями малых групп постольку, поскольку научное описание больших групп складывается на основе информации, собранной в процессе проведения множества локальных исследований. Такой подход согласуется с идеей Р. Ф. Итса сосредоточить исследования на феномене «малого локального этноса» [Козьмин 2008 : 7]. По удачному выражению Т. Б. Щепанской, закон этнографического поля — выбрать одно конкретное сообщество и наблюдать его «обычаи, обряды и традиции» [Щепанская 1993 : 9].

Противопоставление «больших групп» и «малых групп» равносильно противопоставлению двух стратегий, стратегии

«большого круга» и стратегии «малого круга» этнографического исследования. Поэтому можно говорить о существовании взаимодополняющих альтернатив, двух способах фокусировки полевых исследований, один из которых соответствует модели *Volkskunde* (исследование «больших групп»), другой — модели *Völkerkunde* (исследование «малых групп»). В обоих случаях приходится чем-то жертвовать, абстрагируясь от одного из внутренних свойств культуры, либо сходства, либо различия. При исследовании больших групп культура неизбежно предстает как набор относительно независимых друг от друга элементов, что и дает ложный повод говорить о неоднородности предмета исследования этнографии или о том, что этнография не имеет собственного предмета. При исследовании малых групп элементы культуры «перестают» существовать как отдельные сущности, сливаясь в нерасчлененное целое (отсюда возникает теория первобытного синкретизма).

В советской литературе проблема австралийского племени приобретает специфический оттенок, связанный с методологическим требованием исторического подхода. Невозможность выделить племена с четкими границами в Австралии (как и в других частях первобытной эйкумены), т. е. указать референт, соответствующий моргановскому понятию племени, исследователи пытаются обойти с помощью концепции зарождающейся этнической общности, или протоэтнуса [Шнирельман 1982 : 102]. Согласно этой концепции, первоначальное племя в отличие от классического является этнической, но не социальной (потестарной) общностью [Попов 1990 : 108]. В терминах теории Ю. В. Бромлея первоначальное племя — это «этни-кос», а классическое — «этносоциальный организм» [Бромлей 1973 : 128]. Следовательно, первоначальное (первичное, первобытное) племя определяется как форма чисто этнической общности, а так называемое классическое племя — как форма политической (потестарной) общности. Исследователи признают тот факт, что понятие классического племени совпадает с понятием вожества [Попов 1991 : 109]. Но, кажется, было бы проще сказать, что различие между утверждением о *существовании племен с аморфной социальной структурой* и утверждением о *несуществовании племени на определенной стадии развития общества* носит чисто лингвистический характер.

Положение о несуществовании первоначального племени хорошо согласуется с концепцией первобытной этнической не-

прерывности, сформулированной в свое время по аналогии с понятием лингвистической непрерывности. По замечанию О. Ю. Артемовой, термин «этническая непрерывность» вполне применим к аборигенам Австралии, если «учитывать, что такая этническая непрерывность не покрывала весь континент в целом, а образовывала отдельные системы в рамках определенных географических ареалов» [Артемова 1987 : 26]. Пытаясь раскрыть понятие этнической непрерывности, можно говорить о едином этническом пространстве, охватывающем обширные территории первобытной эйкумены. Это пространство «искривляется» под воздействием тех или иных факторов, но не теряет свойства непрерывности. «Племена» являются не чем иным, как фрагментами этого пространства, на которые оно делится наблюдателями.

Этническое пространство — это вещное пространство, поэтому то, что на карте выглядит, как круг или пятно, в режиме текста выглядит, как список основных черт культуры. Объективность выделения австралийских племен как единиц исследования заложена в самом процессе выделения, а не в его конечных результатах, которые могут расходиться в работах отдельных исследователей. «Полезность» племенных названий, о которой говорил Н. Петерсон, заключается в том, что они являются своего рода средствами навигации, координатами нахождения тех или иных признаков культуры в этническом пространстве. Фактически существующий способ нанесения на карту «племен» соответствует очерчиванию кругов, в центре которых название «племена» (сами круги являются «непечатаемыми знаками»). Мы можем сколь угодно произвольно проводить границы между соседними «племенами», но мы не можем произвольно переносить названия (центры) этих «племен», которые являются центрами полевых исследований, из одной точки географического пространства в другую, тем самым нарушая непрерывность этнического пространства.

Теории этнической непрерывности обычно придается эмпирический статус, но действительный ее смысл состоит в попытке синтезировать два противоположных подхода при выделении этнических единиц (с границами или без). В условиях этнической непрерывности австраловеды двух разных эпох (до и после того как понятие «племена» и «племенных» границ было подвергнуто критике) как бы поставили совместный эксперимент, демонстрирующий, что этнос как единица исследо-

вания под любым именем («народ», «нация», «племя») представляет собой идеализированный объект, отражающий не существование изолированных по тем или иным признакам групп людей, а пространственные изменения традиционной культуры. Представление о совпадении границ социальной группы с границами распространения тех или иных признаков культуры является вторичным по отношению к объективному факту существования признаков различия или различию как таковому. Не менее яркий эксперимент, доказывающий, что этнос является абстракцией, но разумной абстракцией, был поставлен археологией с ее основным понятием «археологическая культура». Во-первых, это понятие полностью соответствует понятию «культурного круга», во-вторых, сама процедура выделения археологических культур подразумевает наличие «археологической» (этнической) непрерывности.

Находясь в поле, исследователь неизбежно приводит свою точку зрения и в прямом, и в переносном смысле слова в соответствие с точкой зрения информанта на окружающее этническое пространство и в процессе сбора информации движется в этом пространстве вместе с ним. Тем самым этническая непрерывность распадается на части, во-первых, доступные непосредственному наблюдению, во-вторых, примерно совпадающие с теми формами расчленения этнической непрерывности, которые являются «своими» для самих носителей культуры. При адекватном переносе наблюдений на карту возникают неправильные круги, накладывающиеся друг на друга, как бы обменивающиеся перифериями, в силу того что соседние центры влияния (наблюдения) могут находиться слишком близко. Этот принцип видения мира сохраняет свою силу не только для собственно первобытной, но и для крестьянской культуры. Именно в такой форме этнической непрерывности предстает окружающее пространство в сознании носителей любой культуры традиционного типа. В качестве подтверждения можно привести материалы полевых исследований С. Б. Адоньевой, воплощенных в карте традиционных названий территориальных групп Белозерского края [Адоньева 2004 : 308]. По-видимому, этническая непрерывность является естественным состоянием традиционной (бесписьменной) культуры во всех ее формах, древних и современных.

Помимо прочего из сказанного можно сделать вывод о неэтнографичности антитезы «мы—они», поскольку она предпо-

лагает противопоставление эндогамных групп. При изучении тех же австралийских материалов это выглядит более очевидным. Экзогамные группы населения (кланы, половины, брачные секции) как этнические образования выступают более сплоченно, чем так называемые «племена» аборигенов [Белков 2004 : 257—263]. Полевые исследователи говорят, что, если взять в качестве примера Восточный Арнемленд и попытаться приложить один за другим все известные критерии «племени» (общность языка, территории, названия, культуры, кооперация на более или менее постоянной основе, политическая автономия), окажется невозможным четко очертить какую-либо социальную или культурную единицу, поэтому более уместно говорить не о «племени», а о «совокупности локальных групп» [Turner 1976 : 181]. Проще было бы утверждать, что традиционное общество аборигенов Австралии — это чисто родовое (клановое) общество, где в качестве основного социального организма выступает клан (по Макленнану, «экзогамное племя»). Следовательно, чем шире исследуемый «культурный круг», тем больше в него попадает экзогамных групп, тем выше степень эндогамности внутри данной окружности.

Таким образом, в отличие от современного общества, где «этническое» и «социальное», «этнокос» и «социальный организм», «этнос» и «нация» могут характеризоваться неполным соответствием, в австралийском традиционном обществе они полностью отделены друг от друга, находясь как бы в разных плоскостях. То, что мы не в состоянии сформулировать, для носителей архаической культуры является реальным фактором поведения. Собственно этническая ситуация в аборигенной Австралии описывается только в терминах этнической непрерывности. Снова вернемся к Шпенглеру. «Я, — писал он, — различаю и дею культуры, ее внутренние возможности, от ее чувственного проявления в картине истории» (разрядка Шпенглера. — П. Б.) [Шпенглер 1923 : 116]. Мы присоединяемся к этим словам с поправкой на то, что идея культуры — это идея, возникающая в голове субъекта исследования и поэтому совпадающая с объектом исследования.